

НАША ЧИТАЛЬНЯ“

ТИГРЬ ШИРЬ-ХАНЬ.

ПОБѢДА.

Редіарда Киплинга.

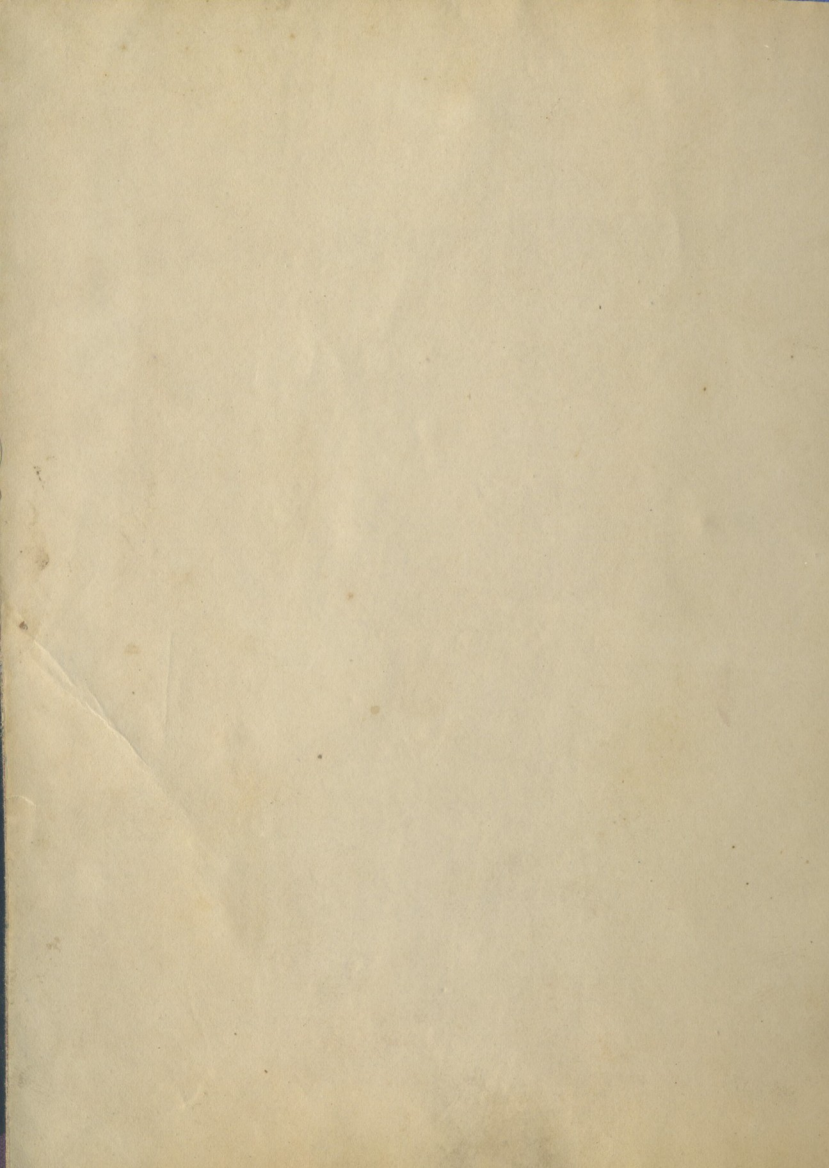
ТОМИКЪ ТРЕТІЙ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ
„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“

за 1904 г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. А. Федорова-Давыдова.

„НАША ЧИТАЛЬНЯ“

„ТИГРЪ ШИРЪ-ХАНЪ“

„ПОБѢДА“.

РАЗСКАЗЫ

Редіарда Киплинга.

ТОМИКЪ ТРЕТІЙ.

Съ рисунками въ текетѣ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ

„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“

за 1904 г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. Н. Дедорова-Давыдова.

Дозволено Цензурою. Москва, 5 мая 1904 года.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

Тигръ Ширъ-Ханъ.

Вы сами можете себѣ представить, что за диковинная жизнь текла у Маугли въ теченіе десяти—двѣнадцати лѣтъ. Маугли росъ вмѣстѣ со своими братьями-волчатами, но всѣ они стали уже взрослыми волками, между тѣмъ какъ для Маугли наступили только еще отроческіе годы. Всему научилъ его отецъ-волкъ, что касалось джунглей, пока, наконецъ, все не пріобрѣло извѣстнаго значенія для мальчика: — и шелестъ травы, и вздохъ теплаго ночного вѣтра и каждый крикъ совы надъ его головой, и каждая царапина летучей мыши на вѣткѣ, на которой она подвѣшивалась отдыхать, каждый всплескъ водою играющей рыбы въ озерѣ. Когда Маугли ничѣмъ не бывалъ занятъ, онъ примащивался въ тѣни отдохнуть немного, а выпавшись, закусывалъ чѣмъ-нибудь и снова ложился спать. А когда становилось слишкомъ жарко и ему хотѣлось освѣжиться,

то онъ бросался въ озеро и плавалъ съ серебрястыми рыбками на-перегонки.

Хотѣлось ли ему меду,—онъ карабкался по деревьямъ туда и сюда, чему научила его Багира. А черная пантера была искусная учительница. Она взбиралась сначала сама на дерево, ложилась на суку и кричала:

— Иди сюда, маленькій братъ!

Сначала Маугли съ трудомъ взбирался на дерево, но мало-по-малу такъ привыкъ, что въ одно мгновеніе могъ взобраться на самую крону дерева, не хуже любой обезьяны.

Посѣщалъ онъ и совѣтъ волковъ, гдѣ у него было тоже свое мѣсто, и какъ-то разъ сдѣлалъ большое открытіе. Онъ случайно подмѣтилъ, что волки не могутъ выносить его взгляда. Стоило ему заглянуть волку прямо въ глаза,—и животное приходило въ беспокойство и опускало глаза. Это очень нравилось Маугли, и онъ часто пробовалъ свою силу ради потѣхи. Но не мало и добра дѣлалъ онъ имъ. Своими маленькими, нѣжными пальцами онъ вытаскивалъ шипы терновника изъ лапъ своихъ друзей, потому что волки ужасно страдаютъ отъ острыхъ и колючихъ растений, которыя ссаднятъ лапы и рвутъ имъ шерсть.

Порой ночью онъ подкрадывался къ селенію людей и съ любопытствомъ разсматривалъ темнокожихъ поселянъ. Но людямъ онъ не довѣрялъ. Ему Багира показала однажды какой-то

ящикъ съ тяжелымъ капканомъ, который былъ такъ искусно спрятанъ въ травѣ, что Маугли чуть, было, не попалъ въ него самъ. Это была западня.

Но охотнѣе всего Маугли уходилъ съ Багирой въ темную, сыровато-теплую глубь джунглей, и тамъ они отдыхали днемъ, а ночью онъ дивился на рѣдкостную охоту Багиры. Проголодавшись, она убивала дичь, и Маугли подражалъ ей.

Когда онъ подростъ, Багира сказала ему:

— Всѣ джунгли—твои, и ты можешь пользоваться въ нихъ рѣшительно всѣмъ, что ты одолѣть можешь; но ты не долженъ бить домашняго скота, потому что за тебя выкупомъ былъ внесенъ быкъ... Такъ гласитъ законъ джунглей.

Такъ Маугли росъ и набирался силъ и здоровья. Мать - волчица безпрестанно напоминала ему, что Ширъ-хану довѣрять нельзя и что въ будущемъ ему предстоитъ убить тигра. Молодой волчонокъ все бы это запомнилъ хорошо, но Маугли въ одно ухо выслушивалъ, а въ другое выпускалъ всѣ эти наставленія, потому что онъ былъ еще мальчикъ.

А Ширъ - ханъ слѣдилъ за Маугли и все старался стать ему поперекъ дороги. Акела становился все слабѣе и старше, и дружба между хромымъ тигромъ и молодыми волками свободнаго племени все крѣпла и крѣпла; они бѣгали за нимъ и подбирали остатки его ѣды.

Прежде Акела этого бы никогда не позволилъ,

но теперь было не то: Акела постарѣлъ и ослабѣ. А Ширъ-ханъ лицомърно ласкалъ волковъ и частенько спрашивалъ съ удивленіемъ, почему они покоряются умирающему, старому волку и нагому дѣтенышу человѣка.

— Всюду говорятъ,—добавлялъ онъ при этомъ съ насмѣшкой, — что вы на совѣтѣ не смѣете даже прямо въ глаза ему глядѣть.

И на эти рѣчи молодые волки отъ злости глуховыли и взѣрошивали щетиной шерсть на загривкѣ.

Багира все видѣла и все знала,— и она тоже говорила Маугли, что Ширъ-ханъ когда-нибудь нападетъ на него и убьетъ его. Маугли въ отвѣтъ на это только смѣялся и говорилъ:— „На моей сторонѣ наше племя, ты да Бало. Чего же мнѣ бояться?“

Какъ-то разъ въ очень жаркій день Багира была особенно встревожена. Они лежали съ Маугли въ густой чащѣ джунглей, — и вдругъ Багира ласково лизнула его въ щеку. Маугли изумленно открылъ глаза.

— Маленькій братъ, я говорила тебѣ, что Ширъ-ханъ — твой врагъ? — спросила она его.

— Ты мнѣ говорила о томъ столько разъ, сколько кокосовъ вонъ на той пальмѣ,—сказалъ Маугли, который считать не умѣлъ.— Но къ чему ты это спрашиваешь? Мнѣ хочется спать, а Ширъ-ханъ былъ, есть и будетъ глупый хвастунъ съ хромою ногой и огромной пастью.

— Теперь не время спать. Бало знаетъ это, да и все племя волковъ знаетъ про то, даже глупенькія косули. И Табаки говорилъ тебѣ о томъ же, поэтому долженъ знать и ты. Или тебя не тревожатъ эти тяжелыя мысли?

— О!—воскликнулъ Маугли, вострепенувшись.— Старый, кривоногій Табаки недавно прибѣгалъ ко мнѣ и говорилъ глупости, что я—голая лягушка и не долженъ рыть себѣ коренья... Знаешь, что я сдѣлалъ? Я его взялъ за хвостъ и ударилъ раза два о пальму. У, какъ онъ завизжалъ!..

— Это было глупо, очень глупо. Хотя и злое животное этотъ Табаки, но онъ могъ бы тебѣ рассказать многое важное для тебя. Ну, слушай, маленькій братъ, и постарайся не спать. Ширъ-ханъ не отважится убивать тебя въ джунгляхъ; но подумай, — Акела день ото дня становится все слабѣе и слабѣе, и скоро настанетъ тотъ день, когда волки убьютъ его, своего вождя. Волки, которые съ тобою росли, тоже состарились, а молодые волчата въ глаза глядятъ Ширъ-хану и тоже говорятъ, что человѣку въ ихъ племени не мѣсто быть. Моя маленькая лягушка, вѣдь ты скоро станешь большимъ человѣкомъ!..

— А что же такого особеннаго въ человѣкѣ, что онъ не можетъ жить съ волками? — встревоженно спросилъ Маугли. — Я родился въ джунгляхъ, въ джунгляхъ я росъ и воспитывался. Здѣсь я жилъ и охотился и твердо подчинялся всѣмъ законамъ джунглей, и во всемъ племени

нѣтъ ни одного волка, которому бы я не вынулъ занозы и шипа изъ лапы. Дѣйствительно, они братья мнѣ по существу.

Багира вытянулась на травѣ и лукаво полужакрыла глаза.

— Маленькій братъ,—сказала она,—потрогай мою шею у подбородка.

Маугли протянулъ сильную, загорѣлую руку и какъ-разъ подъ страшной пастью Багиры, тамъ, гдѣ проходятъ страшно развитые шейные мускулы, скрытые мягкой, блестящей шерстью, нащупалъ голое, натертое мѣсто.

— Никто въ джунгляхъ не знаетъ, что я, Багира, ношу этотъ знакъ,—слѣдъ отъ стального ошейника. И притомъ я родилась среди людей, моя мать-пантера такъ и умерла въ неволѣ,—въ клѣткѣ королевскаго дворца Удаипурга. Я родилась среди людей, потому и внесла за тебя, человѣка, выкупъ. Наконецъ, однажды ночью я сознавъ свою силу, однимъ ударомъ лапы разбила клѣтку и ушла сюда, въ джунгли... И знай, какъ я вернулась въ джунгли, куда тянуло меня неодолимо, такъ и ты когда-нибудь вернешься къ людямъ.

— Но зачѣмъ меня хотятъ убить? — спросилъ ее Маугли.

— Тебя ненавидятъ за то, что ты уменъ, за то, что ты по добротѣ таскалъ занозы, за то, что никто изъ звѣрей не можетъ смотрѣть тебѣ прямо въ глаза, за то, что ты, наконецъ, че-

ловѣкъ!.. Такъ слушай. Акела старѣеть и становится все слабѣе, и когда племя убьетъ его, оно обратится и противъ тебя. Тебѣ нужна власть. Люди разводять у себя красный страшный цвѣтокъ. Бѣги какъ можно скорѣе туда, къ хищникамъ, къ людямъ. и достань его. Этотъ цвѣтокъ будетъ тебѣ другомъ надежнѣе меня и Бало!..

Багира такъ называла огонь, потому что звѣри джунглей боятся назвать огонь собственнымъ именемъ,—до того они боятся его.

— Хорошо,—сказалъ Маугли,—я добуду его!..

— Такъ говорить можетъ только человѣкъ!— гордо сказала Багира.— Ну, бѣги за нимъ!.. Да скорѣе... Помни, что онъ растеть въ горшкахъ, а если до него дотронешься, то пузыри пойдутъ по кожѣ. Ну, ступай, добывай его. . И сохраняй его у себя до поры, до времени.

— Такъ,—сказалъ Маугли, обнимая шею пантеры и заглядывая ей прямо въ глаза, — вѣрно, что это все продѣлки Ширъ-хана?

— Клянусь цѣпью, которую я порвала въ неволѣ, — да!..

— Хорошо! — воскликнулъ дикимъ голосомъ Маугли, словно ревъ тигра. — Хорошо, и я клянусь быкомъ, выкупившимъ меня, что я скоро расплачусь за это съ Ширъ-ханомъ, а можетъ-быть и прибавлю еще ему къ этому сколько-нибудь!..

И съ этими словами онъ бросился бѣжать прочь отъ нея.

Багира посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Это человѣкъ! Истый человѣкъ! О, Ширъ-ханъ, никогда тебѣ болѣе трудной охоты не предстояло, какъ эта, съ голой лягушкой, которую ты затѣялъ съ ней десять лѣтъ тому назадъ!..

Маугли безъ устали бѣгалъ по лѣсу, и вся кровь клокотала въ немъ. Вечеромъ только вернулся онъ въ волчье логово. Онъ тяжело дышалъ и внимательно смотрѣлъ внизъ, въ долину. Волчица сразу замѣтила его волненіе, насторожилась и спросила:

— Что съ тобою, сынъ мой?..

— Ничего,—сказалъ онъ,—это все отъ брехни глупаго Ширъ-хана. Сегодня я буду охотиться на поляхъ людей.

И онъ ринулся внизъ сквозь заросли, къ рѣкѣ въ долину. И вдругъ остановился... Послышался вой волковъ, жалобный голосъ преслѣдуемой косули и затѣмъ—насмѣшливые голоса волковъ:

— Дайте мѣсто Акелѣ. Попробуй свою силу, Акела! Хватай ее, Акела!..

Въ отвѣтъ послышался скрежетъ зубовъ Акелы, потомъ жалобный, досадливый вой стараго волка, словно онъ промахнулся и олень сбиль его съ ногъ.

Маугли понялъ все и бросился бѣжать дальше, къ хижинамъ людей...

— Багира говорила правду,—произнесъ онъ, съ трудомъ бросаясь на траву около одной хи-

жины, — завтра будетъ плохо намъ обоимъ — Акелѣ и мнѣ!..

Онъ поднялся и заглянулъ черезъ окно въ хижину. — „Гейхо!.. Какъ пылаетъ посреди комнаты красный цвѣтокъ съ огненными искрами и длинными языками!..“ Маугли видѣлъ, какъ къ огню подошла въ бѣломъ одѣяніи женщина и стала кормить его черными сучьями... Гейхо!.. Вонъ какъ живо стали расцвѣтать на нихъ маленькіе цвѣточки, окутанные густымъ облачкомъ. А когда настало утро, какой-то мальчикъ подошелъ къ нему съ горшкомъ, отсыналъ туда часть красныхъ цвѣтовъ и накрылъ ихъ листомъ желѣза.

„И только? — подумалъ Маули. — Ребенокъ дѣлаетъ это, — мнѣ ли бояться?“

И онъ быстро вошелъ въ хижину, схватилъ горшокъ, и прежде чѣмъ ребенокъ опомнился отъ испуга, — исчезъ въ волнахъ утренняго тумана...

По пути онъ остановился и подумалъ:

„Надо дуть на него, какъ ребенокъ дулъ, а кромѣ того, если цвѣтокъ не кормить, — онъ умретъ“, — и онъ положилъ въ горшокъ маленькихъ сучковъ и сухой травы.

На полпути, на холмѣ, онъ встрѣтилъ Багиру.

— Промахнулся Акела! — сказала она. — Они бы убили его и вчера, да имъ ужъ за одно нужно покончить и съ тобой. Они всюду искали тебя.

— Я готовъ!.. — усмѣхнулся хмуро Маугли. — Смотри!..

И онъ высоко поднятъ дымившійся горшокъ. Багира попятилась.

— Маугли, моя маленькая лягушка, ты не боишься?

— Чего мнѣ бояться? Знаешь, я теперь припоминаю, какъ когда-то, прежде чѣмъ стать волкомъ, я лежалъ противъ такого цвѣтка. И было мнѣ тогда такъ тепло, такъ хорошо!..

Маугли цѣлый день въ логовѣ все подкладывалъ вѣтокъ и травы въ горшокъ, а вечеромъ, по зову Табаки, онъ отправился на совѣтъ волковъ.

Акела лежалъ около скалы; прежнее мѣсто его было свободно, а Ширъ-ханъ горделиво прогуливался около него. Когда всѣ собрались, Ширъ-ханъ началъ говорить... Будь Акела главою племени, — онъ бы не отважился на это.

— Онъ не смѣетъ говорить! — шепнула Багира Маугли.—Скажи ему, что онъ сынъ пса, — онъ боится этого!

Маугли вскинулся весь.

— Вы, свободное племя! Смѣетъ ли поднимать голосъ Ширъ-ханъ? Какое дѣло тигру до насъ?

— Мѣсто главы волковъ не занято, и меня выбрали говорить,—зарычалъ Ширъ-ханъ.

— Выбрали тебя? Что? Кто мы шакалы, что станемъ водиться съ убійцей домашней скотины? Совѣтъ волковъ одинъ можетъ рѣшить дѣло о предводителѣ ихъ!..

— Замолчи, дѣтенышъ человѣка! — крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Дайте ему говорить!.. Онъ подчинялся нашимъ законамъ!—кричали другіе.

Но старые волки рѣшили дѣло:

— Пусть говоритъ Акела!

— Вы, свободное племя,—началь тотъ,—двѣнадцать лѣтъ я былъ вашимъ вождемъ, и никто изъ васъ не попалъ въ западню человѣка. Но теперь я попалъ въ волчью западню, видно, въ благодарность за это. Вы хотѣли видѣть мою слабость и увидѣли, какъ я не справился съ оленемъ. Вы можете убить меня! Ну, кто выйдетъ на меня? По закону джунглей вы должны выходить на меня по-одиночкѣ. Кто идетъ?

Глубокое молчаніе воцарилось кругомъ; охотника не было.

— Что толковать съ беззубымъ старикомъ!—заревѣлъ Ширъ-ханъ.—Все равно его надо убить. Потолкуемъ лучше о человѣкѣ... Много уже квакала вздора эта голая лягушка. Свободное племя! онъ—моя жертва. Терпѣніе мое лопається. Дайте его мнѣ. Десять лѣтъ этотъ волкъ-человѣкъ мучилъ наши мирныя джунгли. Дайте его мнѣ или берегитесь меня: я буду постоянно охотиться здѣсь, и вы не увидите себѣ и единой косточки. Онъ человѣкъ, и отъ всего сердца я ненавижу его и ненавижу!..

Болѣе половины волковъ завыло:

— Онъ человѣкъ. Пусть уходитъ отъ насъ къ себѣ!.. Что намъ водиться съ человѣкомъ?..

— А! Чтобы онъ повелъ на насъ всѣхъ жителей поселка?—заревѣлъ Ширъ-ханъ. — Нѣтъ, выдайте его мнѣ; онъ человѣкъ, и никто изъ насъ не смѣетъ даже посмотреть ему въ глаза.

Акела поднялъ голову:

— Онъ жилъ съ нами, онъ помогалъ намъ охотиться и никогда не преступалъ закона джунглей.

— Я заплатила за него выкупъ. И Багира станетъ биться за лягушку!..—сказала черная пантера, оскаливая зубы.

— Человѣкъ не можетъ жить среди племени джунглей! — заревѣлъ Ширъ-ханъ. — Что ему тутъ дѣлать? Выдайте его мнѣ

— Онъ нашъ братъ,—сказалъ Акела,— а вы его убить грозите. Да, правда, долго слишкомъ зажилъ я на свѣтѣ. Кое-кто изъ васъ таскаетъ домашній скотъ, другіе съ Ширъ-ханомъ воруютъ изъ поселка дѣтей. И изъ этого я вижу, что вы — трусы, и я говорю съ вами такъ. Я обреченъ на смерть, и жизнь моя не имѣетъ цѣны. Я хочу спасти честь нашего племени. Отпустите дѣтеныша-человѣка въ поселокъ, и я дамъ себя за то растерзать и защищаться не буду... А если буду защищаться, то троихъ изъ васъ на мѣстѣ уложу!.. Я избавлю васъ тѣмъ отъ позора, что вы сгубили своего брата,—брата, до вѣрившагося вамъ,—брата!..

— Онъ—человѣкъ и человѣкъ! — прокатился ревъ волковъ, которые толпились вокругъ тигра; а тотъ билъ хвостомъ по ребрамъ и былъ уже наготовѣ.

— Ну, намъ остается одна битва! — шепнула Багира Маугли.

Маугли быстро поднялся, съ горшкомъ въ рукѣ, и почудилось Багирѣ, что въ одно мгновѣніе онъ весь сразу какъ-то выросъ, какъ пальма, и засмѣялся прямо въ глаза волкамъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ былъ дикъ и взбѣшенъ отъ стѣснившагося въ груди его сердца, потому что въ первый разъ увидалъ онъ, какъ ненавидѣли его братья-волки...

— Слушайте меня! — крикнулъ онъ. — Намъ нѣтъ времени для этого собачьяго воя. Я бы всю жизнь оставался съ вами волкомъ, но вы меня столько разъ называли человѣкомъ, что я, точно, чувствую себя человѣкомъ. И потому я отнынѣ не хочу называть васъ братьями, а стану кликать васъ собаками!.. Что вы будете дѣлать, чего вы не будете дѣлать, это не вамъ рѣшать, — это знаю одинъ я. А чтобы сразу увѣрить васъ въ томъ, я, человѣкъ, принесъ вамъ сюда красный цвѣтокъ, котораго вы, собаки, боитесь!..

Онъ швырнулъ горшокъ на землю, и угли высыпались на ворохъ сухого моха, собраннаго имъ.

Широкое пламя вскинулось вверхъ, и словно огненные змѣи зазмѣились по бокамъ его...

Волки въ страхѣ попятѣлись.

Маугли сунулъ сухой сукъ въ огонь, и когда онъ разгорѣлся, онъ взмахнулъ имъ надъ головой и бросился въ стаю страшно перепуганныхъ волковъ.

— Ты ихъ глава и повелитель! Спаси Акелу!— крикнула ему вслѣдъ Багира.

Акела, старый, угрюмый волкъ, который за всю жизнь ни у кого никогда не просилъ пощады, поднялъ голову и такъ посмотрѣлъ на Маугли, что у того сердце сжалось. А онъ стоялъ, весь нагой, и свирѣпо потрясалъ своими длинными, черными волосами, гривой падавшими на его спину, и отъ его пылающей головни отбрасывались причудливыя, колеблющіяся тѣни.

— Ага!—воскликнулъ Маугли, медленно озираясь по сторонамъ. — Я зналъ, что вы собаки!.. Я ухожу отъ васъ къ моему народу. Отнынѣ джунгли закрыты для меня. Но я буду милосерднѣе, чѣмъ вы ожидаете. Я—вашъ братъ, и я обѣщаю вамъ, что не приведу къ вамъ людей и не выдамъ васъ имъ. О!.. О!.. За что вы меня обманывали?..

Онъ ударилъ ногой по головнѣ такъ, что искры посыпались, и пламя вспыхнуло ярче.

— Только одинъ долгъ долженъ я заплатить, прежде чѣмъ уйду я отсюда...

Онъ медленно приблизился къ Ширъ-хану, который, ослѣпленный и словно замороженный, Тигръ Ширъ-Ханъ.

глазъ не спускалъ съ огня,—и ухватилъ его за клокъ волосъ.

— Ты, собака,—крикнулъ Маугли,—вставай, когда съ тобою говоритъ человѣкъ, не то я спалю твою шерсть!..

Ширъ-ханъ прижалъ уши, закрылъ глаза,—горячій огненный цвѣтокъ былъ близко, такъ близко...

— Этотъ скотогонъ сегодня хвасталъ, что убьетъ меня, за то, что я спасся отъ него въ дѣтствѣ. Ну, убей меня, хромою трусь!.. Убей меня!.. Нѣтъ, стой тихо, хромоногій,—ни съ мѣста!.. Я тебѣ покажу, какъ человѣкъ наказываетъ собаку!.. Эге!.. Только шевельнись, только тронься, и я вложу горящую головню прямо въ пасть тебѣ!..

И онъ вертѣлъ и справа, и слѣва головней надъ головой тигра, который жалобно вылъ.

— Ага!.. Ты, воющая кошка джунглей!.. Убей же меня!.. Ну, иди!.. Но знай, что въ слѣдующій разъ я приду сюда съ шкурой Ширъ-хана на плечахъ. А вы, братья, обманувшіе меня, слушайте мою волю. Акела уйдетъ отсюда, куда хочетъ, свободнымъ. Вы его не убьете. А теперь прочь отсюда!.. Нечего сидѣть здѣсь и притворяться, что вы не собаки, когда вы собаки, которыхъ я гоню отъ себя прочь!..

Пламя пылало въ рукахъ Маугли, все разгораясь и разсыпая искры кругомъ; онъ размахнулся головней и ударилъ ею въ самую середину волчьей

стаи,—и взвыла стая, шарахаясь въ сторону и спасая свою опаленную шерсть...

Вскорѣ вокругъ Маугли остались только Акела, Багира и друзья Маугли.

И въ ту же минуту что-то чудное случилось съ Маугли, что-то сдавило ему грудь, сердце его стало биться учащенно, дыханіе сперло... Маугли всхлипнулъ, и свѣтлые перлы заструились у него изъ глазъ...

— Что это?.. Что же это?—спрашивалъ онъ — Я бы такъ хотѣлъ остаться у васъ въ джунгляхъ, но я не знаю, что такое дѣлается со мной. Умираю я, Багира?..

— Нѣтъ, маленькій братъ! Это только слезы, какія бываютъ у людей. И теперь я знаю, что ты—человѣкъ, а не дѣтенышъ только. Джунгли для тебя не могутъ быть родиной. Пусть перлы струятся изъ глазъ... Это вѣдь только слезы, маленькая лягушка!..

А Маугли упалъ рядомъ съ Акелой, уронилъ голову на его старую шубу и плакалъ и рыдалъ, словно сердце его лопалось на части.

— Ну, — сказалъ онъ, наконецъ, — теперь я хочу идти къ людямъ. Но прежде пойду прощусь съ матерью-волчицей.

Онъ побѣжалъ въ пещеру, гдѣ жили его мать и отецъ волки, и долго плакалъ, обнимая ихъ, а между тѣмъ четверо его братьевъ жалобно выли.

— Вы меня, навѣрно, забудете,—сказалъ Маугли.

— Никогда! — сказали братья. — Приходи къ подошвѣ этого холма, и мы будемъ съ тобою говорить по-прежнему и играть на поляхъ.

— Ты скоро навѣстишь насъ?—спросилъ волкъ-отецъ.—О, моя бѣлая, маленькая лягушка, ты скоро вернешься къ намъ? Потому что мы уже старики, я и твоя мать!..

— О, приходи скорѣе, ты, мой маленькій, голый сынъ,—сказала волчица,—потому что знай, дѣтенышъ-человѣка, я люблю тебя больше, чѣмъ своихъ дѣтей.

— Да, конечно. Я скоро вернусь къ вамъ, и съ тѣмъ, чтобы разстелить шкуру Ширъ-хана на скалѣ совѣта. Не забывайте меня, мать, отецъ, братья... Скажите и всѣмъ въ джунгляхъ, чтобы они вспоминали обо мнѣ порой.

...Утренній, слабый свѣтъ разливался по темному небу надъ холмомъ, когда Маугли спускался по склону холма одинъ, какъ есть, навстрѣчу диковиннымъ существамъ, которыхъ называли у нихъ въ джунгляхъ людьми...

„ПОБѢДА“.

Когда Маугли послѣ своей ссоры со стаей покинулъ нору пріютившихъ его волковъ въ Сеонійскихъ горахъ, онъ побѣжалъ въ селеніе людей. Онъ не хотѣлъ оставаться вблизи джунглей, зная, что пріобрѣлъ себѣ тамъ не одного смертельнаго врага.

Маугли бѣжалъ со всей скоростью своихъ волчьихъ ногъ по крайней мѣрѣ 4 мили, пока не очутился въ совершенно незнакомой мѣстности.

Передъ нимъ лежала большая равнина, перерѣзанная утесами. Съ одной стороны ютилась маленькая деревушка, съ другой тянулись джунгли, смѣло подступая къ зеленѣющимъ пастбищамъ и тамъ обрываясь, словно срѣзанныя серпомъ.

На зеленыхъ лужайкахъ паслись стада быковъ и буйволовъ. Ихъ стерегли смуглые ребятишки, которые, какъ только увидали Маугли, подняли

страшный крикъ и пустились вразсыпную, а безпризорныя собаки, кишмя кишая во всѣхъ индійскихъ деревушкахъ, разразились неудержимымъ воемъ и лаемъ.

Маугли, мучимый голодомъ, бѣжалъ все впередъ и впередъ, не обращая на это вниманія, пока не достигъ деревенскихъ воротъ, гдѣ увидѣлъ цѣлый ворохъ наготовленнаго валежника, которымъ люди съ наступленіемъ сумерекъ собирались загородить входъ.

— О, о! — сказалъ онъ. — Даже и здѣсь люди боятся обитателей джунглей.

Онъ присѣлъ у воротъ и ждалъ, пока къ нему не выйдетъ изъ селенія человѣкъ. Поднявшись, Маугли разинулъ ротъ и сунулъ въ него палецъ, показывая тѣмъ, что онъ голоденъ. Человѣкъ, взглянувъ на него, отшатнулся и съ громкими криками бросился вдоль улицы... Не прошло и секунды, какъ показалась цѣлая толпа, окружавшая брамана, который важно выступалъ посреди нихъ. Это былъ толстый человѣкъ въ бѣлой одеждѣ, съ намалеваннымъ красной и желтой краской значкомъ на лбу.

Они окружили Маугли и стали разглядывать его и громко говорить между собою о чемъ-то.

„Какіе они несдержанные, — подумалъ Маугли. — Только глупыя обезьяны могли бы поступать такъ“.

Онъ откинулъ назадъ свои длинные волосы и

совершенно неожиданно скроилъ имъ страшно насмѣшливую гримасу.

— Чего же вы боитесь? — проговорилъ браманъ.—Посмотрите на рубцы, покрывающіе его руки и ноги. Это—волчьи укусы. Онъ—питомецъ волковъ, убѣжавшій изъ джунглей.

Во время игры, дѣйствительно, волчата не разъ безсознательно кусали его, отчего на его тѣлѣ навсегда остались большіе бѣлые знаки. Но Маугли и въ голову не приходило называть эту волчью ласку „укусами“. Онъ хорошо зналъ, что такое былъ настоящій укусъ.

— Ахъ, бѣдняга! — закричали двѣ-три женщины.—Искусанный волками! О, бѣдное дитя! Какой красивый мальчикъ! Глаза его сверкаютъ, словно огоньки. Смотри, Мессуа, онъ, право, похожъ на твоего сына, котораго утащилъ тигръ...

— Пустите меня посмотреть!—сказала женщина съ тяжелыми мѣдными браслетами на рукахъ и на ногахъ.

Она продвинулась впередъ и долго внимательно разглядывала его.

— О, нѣтъ! — сказала она. — Онъ много тоньше... хотя... точно... лицомъ онъ похожъ на него...

Браманъ былъ умный человѣкъ. Онъ зналъ, что Мессуа—жена самаго богатаго человѣка въ деревнѣ. И, взглянувъ на нее, онъ радостно молвилъ:

— Что джунгли отняли, то и возвратили. Возьми ребенка въ свой домъ, сестра моя, и не забудь

почтить приношеніемъ брамана, который глубоко понимаетъ тайну человѣческой жизни.

Женщина знаками показала Маугли, чтобы онъ слѣдовалъ за ней, а толпа смуглыхъ, болтающихъ поселянъ проводила ихъ до одиноко стоящаго въ концѣ деревни низкаго домика.

Когда Маугли вошелъ туда, его поразили разные, незнакомые ему предметы: большой ящикъ, пестро раскрашенный, кровать, рядомъ круглый сосудъ, въ которомъ сохранялся зерновой хлѣбъ. Разглядывая его, Маугли поразился, увидавъ на его стѣнкахъ маленькихъ коровъ и зеленые деревца, которые не шевелились и не проявляли никакихъ признаковъ жизни.

Удивителенъ былъ также маленькій индусскій кумиръ, гримасничавшій въ нишѣ стѣны. Но поразительнѣе всего Маугли казался кусокъ стекла, въ которомъ можно было видѣть не только свои собственныя уши, глаза и лицо, но даже все тѣло, и притомъ гораздо лучше, чѣмъ въ любовомъ пруду.

Мессуа дала ему молока, и онъ выпилъ его большими, жадными глотками. Потомъ она накормила его мягкимъ, теплымъ хлѣбомъ, и пока онъ ѣлъ, все разглядывала его, вдумчиво глядя ему въ глаза. Она вздыхала и думала: точно ли это ея сынъ, украденный тигромъ и вернувшійся къ ней изъ непроходимыхъ джунглей. Она положила ему руку на голову и тихо прошептала:

— Нато, о, мой Нато!

Но Маугли ничѣмъ не выразилъ, что имя это ему знакомо.

— Неужели ты забылъ, какъ я надѣла тебѣ новые башмаки?—спросила она и нѣжно ощупала его ноги.

Но эти ноги никогда не носили башмаковъ,—онѣ были тверды, какъ рогъ.

— Нѣтъ,—сказала она.—Но ты такъ похожъ на моего бѣднаго, маленькаго Нато, что отнынѣ будешь моимъ сыномъ.

Маугли чувствовалъ себя жутко. Онъ никогда еще не спалъ подъ кровомъ. Взглянувъ на соломенную крышу, онъ успокоился, рѣшивъ, что всегда сумѣетъ вырваться отсюда, тѣмъ болѣе, что и окна не были заперты на засовы.

„Что мнѣ пользы въ томъ, что я человѣкъ,—думалъ онъ,—когда я не понимаю человѣческой рѣчи? Я тутъ такъ же глухъ и нѣмъ, какъ былъ бы любой изъ этихъ людей въ джунгляхъ. Надо научиться ихъ языку“...

Недаромъ онъ умѣлъ подражать крику оленя и ворчанію дикой свиньи. Стоило только Мессуа произнести какое-нибудь слово, чтобы Маугли тотчасъ же повторилъ его, и не прошло дня, какъ онъ уже выучилъ названіе многихъ предметовъ.

Насталъ вечеръ, и представилось новое затрудненіе: Маугли ни за что не хотѣлъ спать въ избѣ, напоминавшей ему слишкомъ логовище пантеры.

— Оставь его, пусть устраивается, какъ хочетъ,—сказалъ Мессуа ея мужъ.—Подумай только, вѣдь онъ никогда не спалъ на постели. Если онъ точно посланъ намъ взамѣнъ нашего сына, онъ не убѣжить.

Итакъ, Маугли былъ свободенъ. Онъ вышелъ изъ поселка и растянулся на опушкѣ джунглей въ густой, зеленой травѣ. Но только-что глаза его сомкнулись, какъ чей-то холодный, мокрый носъ нѣжно коснулся его подбородка.

— Фу!—сказалъ Сѣрый-Братъ (это былъ старшій сынъ волчихи), — вотъ плохая награда за тѣ 20 миль, которыя я пробѣжалъ ради тебя! Ужасно! Отъ тебя несетъ уже, какъ отъ настоящаго человѣка, дымомъ и навозомъ. Проснись, маленькій братъ, я принесъ новости!

— Всѣ ли здоровы въ джунгляхъ?—спросилъ Маугли, ласкаясь къ нему.

— Однако, ты ловкій малый! — разсмѣялся волкъ.—Развѣ ты не знаешь, что красный цвѣтокъ, которымъ ты опалилъ имъ шерсть, глубоко вонзается въ шкуру?.. Отецъ, мать и братья здоровы. Они послали меня къ тебѣ съ важнымъ извѣстіемъ. Ширъ - Ханъ убѣжалъ. Онъ хочетъ охотиться далеко отсюда, пока его опаленные усы не вырастутъ снова... Ты все-же сыгралъ съ нимъ злую шутку. Но онъ поклялся отомстить тебѣ и по возвращеніи хочетъ бросить твои кости въ волны Вайнганга.

— Въ самомъ дѣлѣ? Можетъ-быть, онъ будетъ

еще сговорчивѣе. Я также произнесъ маленькую клятву. Но объ этомъ послѣ. Новости всегда желательны. Я нынче очень усталъ... Глаза смыкаются... голова идетъ кругомъ отъ всего, что я видѣлъ... Ты же, Сѣрый-Братъ, ты всегда долженъ приносить мнѣ извѣстія...

— А ты будешь ли всегда помнить, что ты принадлежишь къ семейству волковъ? Не забудешь ли ты насъ для своихъ людей?

— Никогда. Я всегда буду любить тебя,—тебя и всѣхъ въ пещерѣ... Но я никогда не забуду, что меня выгнали изъ стаи!

— Ладно, ладно... Смотри, какъ бы тебя не выгнали еще и изъ другой стаи... Люди, въ концѣ-концовъ,—только люди, маленькій братъ, и вся ихъ болтовня не лучше лягушинаго кваканья въ пруду... Когда я приду опять, то буду тебя ждать въ бамбуковой чащѣ у границы ивняка.

Три мѣсяца не покидалъ Маугли деревни, изучая ея нравы и окрестности. Онъ долженъ былъ привыкнуть къ одеждѣ, а это очень стѣсняло его. Надо было приучиться выговаривать всѣ человѣческія слова и выворачивать при этомъ самымъ невозможнымъ образомъ ротъ и языкъ. Едва онъ научился называть всѣ предметы, требовать пищу и питье, какъ ему положили въ руку грязныя, мѣдныя монеты и сказали, что это—деньги, а деньги надо любить и беречь больше всего на свѣтѣ. Онъ смѣялся и думалъ, что люди такъ же безумны, какъ племя обезьянъ Бан-

даръ-логъ. Потомъ его повели въ поле и показали, какъ вспахиваютъ землю и бросаютъ въ нее зерно. Все это казалось ему очень страннымъ, и онъ не могъ понять цѣли такого труда.

Иногда его изводили деревенскіе ребятишки. Къ счастью, онъ научился въ джунгляхъ сохранять хладнокровіе. Но когда они приставали къ нему за то, что онъ не хочетъ играть съ ними и пускать бумажныхъ змѣй, или издѣвались надъ какимъ-нибудь дурно произнесеннымъ имъ словомъ, ему стоило большого труда, чтобы не броситься на нихъ и не разорвать ихъ въ клочья. Онъ помнилъ, что настоящій охотникъ щадитъ маленькихъ, слабыхъ голышей, и удовлетворялся тѣмъ, что нагонялъ на нихъ страхъ, скрежеща зубами и рыча, какъ пантера Багира. Онъ не зналъ еще всей своей силы. Въ джунгляхъ ему часто приходилось сожалѣть о своей слабости, потому что онъ сравнивалъ себя со звѣрями; въ деревнѣ же люди говорили, что онъ силенъ, какъ быкъ. Онъ не зналъ и страха. Однажды браманъ сказалъ ему, чтобы онъ не смѣлъ трогать его плодовъ, ибо божество, стоящее въ храмѣ, разсердится на него и казнить. Маугли ничего не сказалъ, побѣждалъ въ святилище, снялъ съ ниши священную фигурку божка и принесъ ее браману, прося его разсердить кумира, чтобы онъ, маленький, голый Маугли, могъ вступить въ борьбу съ божкомъ... Ну, тутъ вышла цѣлая исторія, и браманъ ужасно, ужасно на него разсердился. Ма-

угли не могъ также понять людского подраздѣленія на касты, и когда оселъ горшечника свалился въ глиняную яму, онъ не только вытащилъ его за хвостъ, но и помогъ еще горшечнику нагрузить на него снова товаръ. Это было, конечно, ужаснымъ проступкомъ потому, что горшечникъ принадлежитъ къ низшей кастѣ. Браманъ выбралъ Маугли, какъ это ему предписывалъ долгъ, но Маугли, не чувствовавшій за собой вины, только пригрозилъ браману, что вскинетъ и его на осла, какъ пучокъ хвороста. Тогда браманъ разлетѣлся къ Мессуа и ея супругу, убѣждая ихъ пристроить Маугли къ какой-нибудь опредѣленной работѣ, и деревенскій старшина присудилъ мальчика на слѣдующій же день пасти буйволовъ. Никто этому такъ не обрадовался, какъ самъ Маугли.

Въ этотъ же вечеръ онъ явился на почтенное собраніе, аккуратно собиравшееся на площадкѣ подъ большимъ фиговымъ деревомъ. Теперь онъ имѣлъ сюда доступъ, какъ офиціальное лицо. Это былъ родъ деревенскаго клуба, къ которому принадлежали всѣ мѣстныя власти. Тутъ собирались деревенскій старшина, сторожъ, худошавый цирюльникъ, который зналъ всѣ мѣстныя сплетни, и старшій деревенскій охотникъ Бульдео со своимъ старымъ, ржавымъ ружьемъ. Всѣ они собирались тутъ, разговаривали и покуривали свои трубочки. Обезьяны сидѣли надъ ихъ головами въ вѣтвяхъ финиковаго дерева, пища и гримасничая, а внизу,

подъ площадкой, жила въ своей норѣ большая змѣя Кобра, которой каждый вечеръ приносили блюдечко съ молокомъ, потому что ее считали священной.

Старики до поздней ночи рассказывали разные исторіи о божествахъ, злыхъ духахъ и призракахъ. Бульдео затмевалъ всѣхъ своими рассказами о звѣряхъ и ихъ жизни въ джунгляхъ. Онъ описывалъ такъ наглядно, и такъ жестикулировалъ и изображалъ все въ лицахъ, что страхъ нападалъ на дѣтей, сидѣвшихъ поодаль, и дрожь пробѣгала по ихъ спинамъ, а глаза выпячивались отъ страха и казались большими, горящими угольями. Большая часть исторій касалась звѣрей, кишившихъ день и ночь въ джунгляхъ: олень и дикая свинья топтали поля людей и портили урожаи; по временамъ, въ темныя ночи, подкрадывался къ ихъ поселку тигръ, который на ихъ глазахъ уносилъ человѣка; таинственно-зловѣщій хоръ дикихъ охотниковъ нарушалъ ихъ покой, мѣшая спать.

Маугли, который лучше зналъ жизнь джунглей, смѣялся, слушая, какъ Бульдео со своимъ старымъ ружьемъ на колѣняхъ перескакивалъ отъ одной страшной исторіи къ другой. Какъ только деревенскій охотникъ замѣтилъ новаго пришельца, онъ сейчасъ же сталъ рассказывать о томъ, какъ тигръ нѣкогда унесъ сына Мессуа.

— Конечно, — сказалъ онъ, — это не былъ настоящій тигръ, а духъ стараго ростовщика, умер-

шаго много лѣтъ назадъ. И вотъ въ наказаніе за его злодѣянія душа его перешла въ тигра. Это сущая правда, вы сами можете убѣдиться въ этомъ. Тигръ хромалъ, какъ мы тогда же замѣтили по слѣдамъ, а вы, вѣроятно, помните, что ростовщикъ Пурумъ тоже былъ хромою... Съ нимъ это приключилось послѣ побоевъ, которые онъ получилъ за свои злодѣянія... Съ тѣхъ поръ онъ охромѣлъ... И по-дѣломъ ему... По смерти онъ превратился въ тигра... Чтò я говорю,—правда.

— Вѣримъ, вѣримъ... ты умный человѣкъ! — вторили старики, трясая сѣдыми бородами.

И вдругъ Маугли, потерявшій терпѣніе, вмѣшался въ ихъ рѣчь:

— Уфъ! Какіе же всѣ ваши рассказы глупые, точно уханье ночныхъ совъ или пустая болтовня обезьянъ. Этотъ тигръ родился хромымъ, вѣдь это знаютъ всѣ обитатели джунглей. Какую же глупую сказку хочетъ навязать вамъ Бульдео! Онъ говоритъ о душѣ ростовщика, а самъ боится такой гадины, которая трусливѣе обыкновеннаго шакала. О, сѣдовласый Бульдео, ужъ не былъ ли ты въ ученьи у обезьянъ племени Бандарь-логъ?

— Эге, да это, кажется, волчій приемышъ! Эй, ты, сорная трава джунглей, ты тоже тутъ? Если ты такъ хорошо знаешь хромого тигра, такъ отнеси-ка лучше его шкуру въ Ханхивару, — правленіе обѣщало выдать 100 рупіевъ за его голову. А еще лучше поступилъ бы ты, лѣсной бродяга,

Тигръ Ширъ-Ханъ.

если бы держалъ языкъ за зубами, когда говорятъ умные, старые люди.

Маугли всталъ.

— Весь вечеръ пролежалъ я здѣсь, слушая васъ, — сказалъ онъ, скрежеща зубами, словно собираясь наброситься на него, — и Бульдео ни разу не сказалъ правдиваго слова о джунгляхъ, которыя поднимаются тутъ, у самого вашего носа, — какъ же я могу повѣрить его глупымъ рассказамъ о привидѣнiяхъ и злыхъ духахъ? Уфъ!

— Малому надо ходить со стадомъ, — сказалъ деревенскiй старшина, — ему давно пора приняться за работу.

Бульдео бросалъ язвительные взгляды на Маугли и молча покуривалъ свою трубочку.

Въ большинствѣ индiйскихъ деревень два-три мальчика выгоняютъ съ ранняго утра быковъ и буйволовъ на пастбище, а къ вечеру пригоняютъ ихъ домой. Эти животныя, которыя растоптали бы ногами любого европейскаго пастуха, позволяютъ индiйскимъ мальчуганамъ, едва достигающимъ до ихъ ноздрей, кричать на себя и бить палками. Пока дѣти находятся при стадѣ, они въ полной безопасности, потому что даже тигръ не отваживается напасть на стадо быковъ и буйволовъ. Но какъ только дѣти отбѣгутъ отъ стада за цвѣтами или вдогонку за ящерицами, дикiе звѣри нападаютъ на нихъ и уносятъ въ чашу.

На слѣдующее утро, только-что солнце позолотило верхушки деревьевъ, Маугли гордо про-

несся по деревенскимъ улицамъ, сидя на Рамѣ, большомъ вожакѣ буйволовъ. Темношерстныя животныя, съ большими назадъ загнутыми рогами и огненно-дикими глазами, выходили одинъ за другимъ изъ своихъ загоновъ и вытягивались длинной вереницей.

Маугли ужъ заранѣе объявилъ ребятамъ, что онъ будетъ ихъ начальникомъ и повелителемъ.

Онъ подгонялъ своихъ животныхъ гибкой бамбуковой палкой и приказывалъ товарищамъ тономъ, не допускающимъ возраженія, оставаться при быкахъ, такъ какъ онъ самъ беретъ стечъ буйволовъ.

Индійскія пастбища часто пересѣкаются утесами, окруженными густымъ кустарникомъ и высокою травой. Небольшія ущелья пестрѣютъ и тутъ, и тамъ, и деревенское стадо пасется въ тѣни утесовъ или въ долинахъ. Буйволы обыкновенно выбираютъ прохладныя, болотистыя мѣста и цѣлыми часами валяются въ тинѣ.

Маугли дошелъ до мѣста, гдѣ Вайнгангъ вытекаетъ изъ джунглей въ долину. Онъ соскочилъ съ Рамы и направился къ бамбуковой чащѣ.

— А, вотъ и ты, наконецъ! — воскликнулъ Сѣрый Братъ, который, вѣрный своему слову, ждалъ уже его тамъ. — Я тутъ не одинъ день напрасно выжидаю тебя. Что значитъ это стадо?

— Я — деревенскій пастухъ, — отвѣчалъ Маугли. — А что подѣлываетъ Ширъ-Ханъ?

— Онъ вернулся и не разъ уже подстерегалъ

тебя, но теперь снова скрылся куда-то: добыча становится скудной въ нашихъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе онъ не измѣнилъ намѣренія зарѣзать тебя при первомъ удобномъ случаѣ.

— Дѣльно! При первомъ удобномъ случаѣ, — повторилъ Маугли сухо. — Во время его отсутствія пусть одинъ изъ моихъ братьевъ всегда бываетъ тутъ, въ этихъ мѣстахъ, или лучше дѣлай это ты самъ, чтобы я могъ видѣться съ вами, когда буду приходить сюда изъ деревни. Когда же онъ возвратится, жди меня у финикового дерева посрединѣ равнины. Мнѣ бы не хотѣлось попасть прямо въ пасть хромого злодѣя.

Съ этими словами Маугли залегъ въ траву и спалъ, пока быки жевали свою жвачку.

Пасти стадо въ Индіи—самое спокойное занятіе. Быки съ громкимъ шумомъ жуютъ и пережевываютъ сочную, густую траву. Они передвигаются съ мѣста на мѣсто медленно-лѣнливой походкой или ложатся и отбиваются хвостами отъ мухъ. Вкусный, жирный кормъ доходитъ имъ до самыхъ ноздрей, такъ что имъ даже не приходится нагибаться за нимъ. Коровы изрѣдка мычатъ, перекидываясь словечкомъ на своемъ коровьемъ языкѣ, или по временамъ выпускаютъ короткое, радостное мычаніе. Буйволы по большей части безмолвны. Порой они одинъ за другимъ направляются къ болоту и зарываются тамъ въ тину, такъ глубоко, что иной разъ можно разглядѣть только блестящія ноздри да большіе,

стеклянные глаза. И такъ лежатъ они часами въ этой мягкой, теплой постели, словно неподвижные, деревянные чурбаны. Солнце разсыпаетъ свои горячіе лучи по долинамъ, скользить по бѣлымъ камнямъ и припекаетъ пасущихъ ребятъ. Они прислушиваются къ одинокому крику коршуна, высоко парящаго въ небесахъ. Дѣти знаютъ, чего ждетъ эта одинокая точка, словно застывшая надъ ихъ головами: если змѣя, предательски подкравшись, укуситъ кого-нибудь изъ нихъ или падетъ любое животное изъ стада, эта неподвижная точка камнемъ падаетъ на еще теплый трупъ. За нею другая, Богъ вѣсть откуда спустившаяся, а тамъ еще и еще, пока не наберется цѣлая туча коршуновъ, которые живо расклюютъ выпавшую имъ на долю добычу.

Дѣти лежатъ безпечно въ мягкой, душистой травѣ, спятъ или мечтаютъ, устремивъ свои большіе, жгучіе глаза въ свѣтлую даль. Или плетутъ корзинки изъ сухихъ стеблей, въ которыя сажаютъ потомъ зеленыхъ кузнечиковъ. Иногда они ловятъ стрекозъ и разглядываютъ ихъ прозрачныя, тонкія крылышки. А то нанизываютъ красныя и синіе орѣхи, сорванные въ чащахъ джунглей, на длинныя нитки и дѣлаютъ изъ нихъ ожерелья, украшая ими другъ друга, или же вытаращенными глазами смотрятъ на ящерицу, въ лѣнливой истомѣ грѣющуюся на солнцѣ. А то прислушиваются къ тихому шелесту змѣи, ползущей на охоту. Когда все это надоѣстъ имъ,

они поютъ безконечно грустныя, старыя пѣсни, со звучными рѣзами на концѣ. И одинъ день кажется имъ длиннѣе, чѣмъ цѣлая вѣчность другому. Иногда они строятъ изъ глины дворцы съ людьми, лошадьми и буйволами. Когда змѣи и ящерицы расползутся, глиняныя фигуры засохнутъ и потрескаются отъ солнца, тогда, наконецъ, спускается ночь и окутывается все своимъ темнымъ покровомъ. Дѣти звонкимъ крикомъ сзываютъ буйволовъ, которые внезапно поднимаются съ тинистыхъ ложъ, причемъ производятъ такой оглушительный шумъ, что можно подумать — цѣлый полкъ солдатъ палитъ изъ пушекъ. Одинъ за другимъ выходятъ они изъ тины и длинной, качающейся вереницей тянутся къ мерцающимъ во тьмѣ огонькамъ деревни.

День за день гонялъ Маугли свое стадо на пастбище и всегда находилъ Сѣраго-Брата, какъ вѣрнаго часового, на условномъ посту. Ширъ-Ханъ не возвращался, и Маугли, лежа въ травѣ, безопасно наслаждался природой и мечталъ о дняхъ, проведенныхъ въ джунгляхъ.

Но разъ Сѣрый-Братъ не явился. Маугли понялъ это и перегналъ своихъ буйволовъ къ финиковому дереву у ущелья. Оно стояло теперь все зардѣвшееся отъ золотисто-красныхъ цвѣтовъ, покрывавшихъ его. И точно: Сѣрый-Братъ сидѣлъ тамъ со сверкающими глазами и оцетинившеюся наподобіе щетки шерстью.

— Ширъ-Ханъ цѣлый мѣсяцъ скрывался, что-

бы ввести тебя въ заблужденіе, — сказалъ волкъ. — Вчера онъ перевалилъ черезъ холмъ съ Табаки, чтобы выслѣдить тебя.

Маугли сморщилъ лобъ.

— Я не боюсь Ширъ-Хана; но Табаки способенъ на всякую низость..

— Не безпокойся напрасно! — сказалъ Сѣрый-Братъ, облизывая губы. — Я повстрѣчался съ этимъ молодчикомъ нынче на разсвѣтѣ. Мы разговорились съ нимъ, и онъ все-таки покаялся мнѣ и открылъ всю свою черную душу передъ тѣмъ, какъ я перегрызъ ему затылокъ. Ширъ-Ханъ намѣревается стеречь тебя нынче вечеромъ у входа въ деревню, — тебя только и больше никого. Онъ сейчасъ только-что залегъ въ большомъ ущельѣ у Вайнганга и думаетъ, что никто его не видалъ.

— Сытъ ли онъ, или еще не ходилъ нынче на охоту? — торопливо спросилъ Маугли, потому что отъ этого отвѣта зависѣли его жизнь или смерть.

— О, да, онъ охотился! И еще какая охота-то была! Онъ задралъ свинью и съѣлъ ее съ шерстью и кожей. Кромѣ того, онъ до-сыта напился! Ты вѣдь знаешь, что Ширъ-Ханъ не можетъ голодать и одного дня, даже тогда, когда связанъ местию. X

— О, безмозглая голова! Онъ упился и наѣлся и думаетъ, что я стану ждать, пока онъ выпится! Скажи, куда онъ спрятался? О, было бы насъ хоть десятокъ, мы бы могли тогда завер-

нута ему его скверную шкуру на уши!.. Эти буйволы не схватятъ его, прежде чѣмъ не учуютъ... а я не разумѣю ихъ языка. Если бы я могъ только говорить съ ними! Мы должны обойти его съ тылу, чтобы буйволы учуяли его слѣдъ.

— Ну, противъ этого онъ принялъ свои предосторожности, перебравшись вплавъ черезъ Вайнгангъ...

— Это ему посоветовалъ Табаки; самъ онъ никогда бы не додумался до этого...

Маугли замолчалъ и задумался, прижавъ палецъ къ губамъ.

— Большое ущелье у Вайнганга, — шепталъ онъ, — отстоятъ едва ли на милю отсюда... Я могу погнать стадо верхомъ черезъ чащу и потомъ спуститься на него.. но онъ можетъ низомъ убѣжать отъ насъ... Надо запереть его. Сѣрый-Братъ, не можешь ли ты раздѣлить мнѣ стадо на двѣ части?

— Я? Нѣтъ, одному это мнѣ не подъ силу, но я привелъ хорошаго помощника.

Сѣрый-Братъ заковылялъ и скрылся въ ямѣ. Черезъ минуту изъ нея вынырнула большая, сѣрая голова, хорошо знакомая Маугли, и воздухъ огласился дикимъ воплемъ джунглей, — воплемъ голоднаго волка, готовящагося къ полдневной охотѣ.

— Акела! Акела! — вскрикнулъ Маугли, радостно ударяя въ ладоши. — Ахъ, я былъ увѣ-

ренъ, что ты не покинешь меня!.. Намъ предстоитъ важное дѣло .. Раздѣли мнѣ стадо на двѣ части, Акела.. Удержи коровъ съ телятами, разлучивъ ихъ съ буйволами.

Оба волка съ воемъ бросились на стадо. Они бѣгали между отдѣльно стоящими группами, потомъ уносились въ поле и возвращались обратно.

Быки высоко задрали головы и сопѣли раздувающимися отъ волненія и гнѣва носами. Вскорѣ все стадо раздѣлилось на двѣ части. Въ одной находились коровы, сомкнувшіяся кольцомъ вокругъ телятъ, готовыя ежеминутно броситься съ ревомъ на волковъ и поднять ихъ на свои большіе опущенные рога. Въ другой толпились буйволы и быки. Они взрывали землю ногами и вращали большими, безумными глазами. Они представляли страшное зрѣлище, но все-же были безопаснѣе коровъ, потому что у нихъ не было телятъ, которыхъ бы они защищали до послѣдней капли крови. Шесть человѣкъ не могли бы раздѣлить стадо такъ быстро.

— Смотри,—прорычалъ Акела,—они стараются опять соединиться. Что мнѣ дѣлать?

Маугли вспрыгнулъ на Раму.

— Впередъ съ быками! Обходи съ ними налѣво! Ты же, Сѣрый-Братъ, удержи коровъ, и когда мы скроемся, гони ихъ къ нижнему выходу ущелья.

— До какого мѣста?—спросилъ Сѣрый-Братъ, возбужденный, съ пѣной у рта.

— Гони ихъ туда, гдѣ бока утеса будутъ настолько высоки, что Ширъ-Ханъ не перепрыгнетъ. Удержи ихъ тамъ кучей, пока мы не взбежимся наверхъ.

Быки, гонимые Акелой, пустились налѣво.

Сѣрый-Братъ бросился на передній отрядъ коровъ; когда же онѣ хотѣли напасть на него, онъ ловко увернулся вправо и заманилъ ихъ по направлению къ нижнему выходу ущелья.

— Такъ, такъ! Наддавай имъ жару! Еще разъ! — кричалъ Маугли. — Осторожнѣе, Акела, осторожнѣе! Больше хладнокровія, или буйволы поднимутъ тебя на рога... Ай, ахъ, какъ весело! Это еще лучше, чѣмъ на охотѣ въ джунгляхъ! Думалъ ли ты, Акела, что эти быки могутъ бѣгать такъ скоро?

— Да, мнѣ часто приходилось въ молодости бѣгать по ихъ слѣдамъ, — пробормоталъ старый волкъ весь въ облакъ пыли, поднятой быками.

— Гнать ли ихъ теперь въ чашу?

— Впередъ, впередъ! Только скорѣе! Рама усталъ до смерти. О, если бы я только умѣлъ говорить съ нимъ и могъ шепнуть ему на ухо, чего я отъ него хочу сегодня!

Буйволы повернули къ чашѣ и неудержимымъ потокомъ ринулись въ нее.

Пастухи, лежавшіе поблизости у своихъ стадъ, со всѣхъ ногъ бросились въ деревню, кри-

ча, что злой духъ Деванее вселился въ буйволовъ и разметалъ ихъ по всѣмъ вѣтрамъ.

Планъ Маугли былъ довольно простъ.

Онъ хотѣлъ запереть Ширъ - Хана, окруживъ выходъ лощины коровами и буйволами, зная, что тигръ, наѣвшись, не можетъ ни драться, ни перепрыгнуть черезъ высокіе откосы ущелья.

Маугли старался теперь ласковымъ окрикомъ успокоить возбужденныхъ животныхъ. Акела отсталъ, изрѣдка подгоняя лаемъ задніе ряды. Они описали большой кругъ, избѣгая привлечь вниманіе тигра. Наконецъ, бѣгущее стадо остановилось на верхнемъ концѣ ущелья, и Маугли передохнулъ на тропинкѣ, сбѣгавшей въ долину.

Отсюда черезъ вершины деревьевъ было видно далеко впередъ. Маугли внимательно оглядѣлся и съ радостью замѣтилъ, что края лощины высоко поднимались и были густо покрыты тернами, не позволяющими пробраться черезъ нихъ.

— Дай имъ передохнуть! — крикнулъ онъ волку, маня его рукой. — Они еще не учуяли его слѣда. Пусть придутъ въ себя. Я хочу быть вѣжливымъ съ Ширъ-Ханомъ и сообщить ему, кто пожаловалъ къ нему въ гости. Ловко мы поймали его въ западню!

Онъ приложилъ руки къ губамъ и крикнулъ въ лощину. Эхо перекатилось съ утеса на утесъ отчетливо, громко и гулко, какъ въ туннелѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ отвѣтъ послышалось

сонное ворчанье сытаго тигра, недовольнаго нарушеннымъ покоемъ.

— Кто зоветъ меня?—гнѣвно прорычалъ онъ, да такъ, что великолѣпный павлинь, испуганный крикомъ, вылетѣлъ изъ чащи.

— Я, Маугли! Гейхо! Старый разбойникъ, воръ мирныхъ стадъ, я пришелъ звать тебя на пиршество волковъ! Гейхо! Впередъ, Акела! Подгоняй ихъ! Рама, впередъ!

Испуганное стадо на минуту, было, остановилось на краю обрыва, но Акела дико завылъ, испуская воинственный крикъ, и быки одинъ за другимъ бѣшенными скачками ринулись внизъ, взметая песокъ и разбрасывая камни.

Когда они очутились въ глубинѣ, ихъ уже нельзя было больше сдерживать: задніе ряды напирали на передніе, и вся масса неудержимо неслась впередъ, какъ горный потокъ, прорвавшій запруды.

Едва Рама коснулся дна лощины, какъ онъ учуялъ Ширъ-Хана и огласилъ воздухъ ревомъ, могучимъ, какъ раскатъ грома.

— Ха, ха!—смѣялся Маугли.—Теперь ты знаешь, въ чемъ дѣло!

— Хрррръ!.. — и все стадо сплошной стѣной двинулось впередъ. Только глаза ихъ, злобно остановившіеся и налитые кровью, сверкали, какъ раскаленные уголья. О, какъ перепутались, сплелись эти черные рога, эти покрытыя пѣной раздутыя ноздри! Буйволы напирали все впередъ и

впередъ, пока задніе не очутились на спинахъ переднихъ. И такъ неслись они неудержимо, пока ихъ не отбросило въ сторону, къ чащѣ. Ширъ-Ханъ услышалъ шумъ, грозный, какъ надвигающійся потокъ. Онъ зналъ, что ни одинъ звѣрь во всѣхъ джунгляхъ не устоитъ противъ такого напора. Онъ поднялся и бросился къ нижнему выходу лошины, насколько позволялъ ему его полный желудокъ. Боязливо метался онъ справа налѣво, ища лазейки, но откосы лошины вздымались круто, почти отвѣсно и преграждали ему путь. Онъ остановился и въ первый разъ смутился и сталъ втупикъ. Онъ предвидѣлъ все... Ахъ, если бы онъ только могъ лазить и прыгать, какъ эти негодныя обезьяны, или хоть летать, какъ самая малая, ничтожная птица! А шумъ и топотъ надвигались все ближе и ближе. Теперь все стадо съ громкимъ шлепаньемъ бросилось въ болото, только-что покинутое имъ. Оно выло такъ, что земля содрогалась. А въ отвѣтъ имъ послышалось жалобное мычаніе телятъ и вой коровъ. Ширъ-Ханъ зналъ, что все-же легче отважиться на бой съ буйволами, чѣмъ съ буйволицами когда онѣ защищаютъ телятъ. Съ налитыми кровью глазами взглянулъ онъ еще разъ на крупные откосы, на джунгли, манившія его своей прохладой и тѣнью, на небо, синѣвшее такъ безстрастно-спокойно, потомъ повернулся и...

Рама споткнулся и снова всталъ на ноги... Онъ наступилъ на что-то мягкое, что расплю-

щилось, застонало подъ нимъ... и все стадо снова спуталось и перемѣшалось, врѣзавшись въ наступавшіе ряды буйволовъ. Какой неудержимый напоръ! Задніе съ ловкостью истыхъ гимнастовъ налетаютъ на переднихъ, и вотъ опять быки мчатся ураганомъ все впередъ и впередъ. Земля дрожитъ и стонетъ подъ ними, и все стадо врывается въ равнину, между тѣмъ какъ скаты осыпаются подъ ихъ бѣшенными копытами...

Маугли уловилъ моментъ. Онъ прыгнулъ съ Рамы и, размахивая палкой направо и налево, кричалъ во весь свой звонкій голосъ:

— Скорѣе, Акела! Раздѣли ихъ скорѣе! Или они перепорятъ другъ друга рогами! Тише, Рама! Тише, мои питомцы!.. Теперь ладно... больше хладнокровія!.. Акела, больше хладнокровія!.. Теперь ладно... теперь все хорошо... все прошло!

Акела и Сѣрый-Братъ носились взадъ и впередъ, хватая буйволовъ за ноги. Стадо еще разъ попыталось, было, вернуться назадъ и подняться по лощинѣ, но Маугли удалось дать Рамѣ другое направленіе, и все стадо въ концѣ-концовъ, мыча и отфыркиваясь, пошло за поводыремъ. О Ширъ-Ханѣ нечего было больше заботиться. Онъ лежалъ раздавленный на днѣ лощины, и коршуны съ печальнымъ крикомъ носились надъ нимъ, словно оспаривая у кого-то свою добычу.

— Онъ погибъ собачьей смертью, — сказалъ Маугли, хватаясь за ножъ, который всегда носилъ при себѣ съ тѣхъ поръ, какъ жилъ среди

людей. — Шкура его отличная, теперь остается скорѣе приступить къ дѣлу!

Обыкновенный мальчикъ никогда не рѣшился бы одинъ снять шкуру съ шестифутоваго тигра, но Маугли отлично зналъ, какъ она покрываетъ звѣря, и какъ ее снять.

Тѣмъ не менѣе работа была не легкая. Маугли рѣзалъ, тащилъ и сдиралъ съ добрый часъ, а между тѣмъ волки лежали съ высунутыми языками или помогали ему, отгоняя коршуновъ, неотлучно вившихся надъ его головой.

Вдругъ Маугли почувствовалъ, какъ чья-то рука опустилась ему на плечо. Онъ обернулся и увидалъ Бульдео со своимъ старымъ, ржавымъ ружьемъ.

Дѣти разнесли по деревнѣ вѣсть о дикомъ бѣгствѣ быковъ, и Бульдео сейчасъ же отправился разыскивать ихъ. Волки спрятались, какъ только учуяли приближеніе человѣка, и лежали, не трогаясь съ мѣста.

— Скажешь ли ты мнѣ, что все это значитъ, бездѣльникъ? — спросилъ Бульдео съ сердитымъ лицомъ. На дѣлѣ же онъ былъ очень доволенъ сдѣлать Маугли выговоръ. — Что значать всѣ эти глупости? Неужели ты воображаешь, что можешь одинъ снять шкуру съ тигра? Скажи-ка лучше, гдѣ и когда его затоптали буйволы? Меня будутъ спрашивать... О, о! Да это хромой тигръ, за котораго правленіе обѣщало 100 рупіевъ. Ну, на этотъ разъ мы будемъ снисходительны... Я даже могу извинить тебѣ, что ты

распустилъ стадо... Можетъ-быть, я даже дамъ тебѣ одинъ рупій, когда снесу шкуру въ Ханхивару и получу награду.

Съ этими словами онъ опустилъ руку въ карманъ, ища огниво, чтобы опалить тигру усы. Индійскіе охотники рѣдко пренебрегаютъ этимъ обычаемъ, думая, что иначе душа тигра витаетъ около нихъ и преслѣдуетъ ихъ всячески.

— Ну?!—проговорилъ Маугли, продолжая работать надъ шкурой. — Ты точно намѣреваешься снести шкуру хромого чорта въ Ханхивару и выдать мнѣ рупій изъ наградныхъ денегъ? Это очень любезно съ твоей стороны, мой милый, добрый Бульдео; но видишь ли, я самъ имѣю намѣреніе употребить ее на свои нужды... Убейся же, старый стрѣлокъ, попадающій только въ цѣль, прочь съ огнивомъ, ночной сказочникъ!

— Какъ смѣешь ты говорить такъ съ главнымъ деревенскимъ охотникомъ? „Стрѣлокъ, попадающій только въ цѣль!“... Твое глупое счастье и неразуміе буйволовъ доставили тебѣ эту добычу... „Ночной сказочникъ!“.. Тигръ обѣлся, иначе онъ былъ бы за 20 миль отсюда. Ты даже не умѣешь правильно содрать съ него шкуру, бездѣльный нищій. И еще смѣешь сказать, что я, Бульдео, не могу опалить ему усы! Теперь я ничего тебѣ не дамъ, не только что одного рупія. Я просто выдеру тебя хорошенько. Прочь отсюда, оставь звѣря!

— Клянусь быкомъ, которымъ меня выкупили,

неужели я весь день долженъ возиться тутъ, болтая со старой обезьяной? — вскричалъ Маугли, прорѣзая ножомъ чуть ли не до кости плеча. — Акела, выходи! Эта старая сова надоѣла мнѣ своимъ воемъ!

Бульдео, все еще стоявшій наклонившись надъ

тигромъ,
тился лежа
спинѣ. На
пала горя
языка сѣро

вдругъ очу-
щимъ на
лицо его ка-
чая пѣна съ
голового

волка, а Маугли продолжалъ невозмутимо работать, словно онъ былъ совершенно одинъ подъ лучами жгучаго солнца.

— Да, ты правъ, милый Бульдео, — ворчалъ между тѣмъ Маугли сквозь зубы. — Я совершенно согласенъ съ тобой. Ты ничего не дашь мнѣ, даже ни единого рупія. Видишь ли, у насъ были старые счета съ тигромъ, давнишняя непримиримая вражда, и нехорошо становится мнѣ поперекъ дороги... Видишь ли, я остался побѣдителемъ!

Тигръ Ширъ-Ханъ.

Къ чести Бульдео надо сказать, что будь онъ на десять лѣтъ моложе, онъ вступилъ бы въ борьбу. Но теперь ему оставалось только бѣжать, что онъ и исполнилъ, какъ только явилась возможность.

Между тѣмъ Маугли покончилъ съ работой и позвалъ снова Акелу:

— Помоги мнѣ, — сказалъ онъ. — Время гнать стадо домой.

Подъ покровомъ сѣровато-туманныхъ сумерокъ быковъ живо собрали. Они еще не опомнились отъ дневного возбужденія и не нуждались въ подстреканіи. Приближаясь къ деревнѣ, Маугли услышалъ звонъ колоколовъ и увидалъ массу огней, свѣтящихся во тьмѣ, словно небо опрокинуло на землю всѣ свои звѣзды.

„А, а! — подумалъ Маугли. — Они ждутъ меня у деревенскихъ воротъ, зная, что я убилъ Ширъ-Хана“.

— Ай! Ай!

Вдругъ навстрѣчу ему посыпался градъ камней. Они свистали мимо его ушей и оглушали его.

— Колдунъ! Волчій сынъ! Убирайся отсюда! Джунглевый бѣсъ! Вонъ отсюда, или браманъ опять обратитъ тебя въ волка! Стрѣляй, Бульдео, стрѣляй! — долетали бѣшеные крики.

Бумъ!.. Старое, ржавое ружье выпалило, и молодой быкъ съ протяжнымъ, страдальческимъ воемъ упалъ на землю, обливаясь кровью.

— Колдовство!—кричали поселяне деревни.— Онъ умѣетъ отклонять пули! Смотри, Бульдео, отъ твоего выстрѣла палъ твой собственный быкъ.

— Что это значить?—спрашивалъ удивленный Маугли, стоя подъ все усиливающимся градомъ камней.

— Это—твои добрые братья, люди!—отвѣчалъ Акела невозмутимо, садясь и не обращая вниманія на летающіе камни.—Милый народецъ! Они похожи на волковъ, какъ одинъ кокосовый орѣхъ на другой! Ты не понимаешь, что это значить? Они выгоняютъ тебя, эти люди, если только ихъ камни и пули вообще что-нибудь значать.

— Злой духъ! Волчій сынъ! Прочь отсюда! — продолжалъ кричать народъ, а браманъ потрясалъ вѣткой священнаго дерева.

— Изгнанъ? Во второй разъ изгнанъ? Въ первый за то, что я—человѣкъ... теперь за то, что я—волкъ... О... идемъ, Акела, идемъ отсюда!

И, скрежеща зубами, онъ отправился прочь. Вдругъ изъ толпы выдѣлилась женщина. Она бѣжала съ простертыми къ нему руками и кричала ему:

— О, мой сынъ, мой сынъ! Они говорятъ, что ты колдунъ, что ты можешь обратиться въ любого звѣря. Я не вѣрю имъ... но все-же ты долженъ уйти, иначе они убьютъ тебя. Бульдео утверждаетъ, что ты злой духъ, но я знаю лучше его, ты мой Нато, мой сынъ!

— Назадъ, Мессуа, назадъ!—кричали люди.— Или мы убьемъ тебя камнями!

Маугли засмѣялся жесткимъ смѣхомъ, какъ вдругъ камень ударилъ его въ лицо...

— Иди назадъ, Мессуа!.. Это одна изъ тѣхъ ночныхъ сказокъ, которыя они рассказываютъ другъ другу подъ покровомъ ночи, сидя у финикового дерева. Будь счастлива... Скорѣе... бѣги скорѣе... камни летятъ все чаще и чаще! Я пошлю имъ ихъ стадо, прежде чѣмъ они успѣютъ опомниться... Я—твой сынъ... твой Нато... Будь счастлива!.. Теперь, Акела, покажи имъ еще разъ свое умѣнье,—продолжалъ онъ, обращаясь къ волку.—Стадо, домой! Гай, гой! Домой!

Буйволы давно изнывали отъ нетерпѣнія скорѣе вернуться въ свои стойла, и какъ только что раздался хриплый лай Акелы, они, какъ бѣшеные, ринулись впередъ, прямо черезъ ворота, въ деревню, и испуганные люди разбѣжались въ разныя стороны.

— Пересчитайте ихъ хорошенько!—крикнулъ Маугли насмѣшливо.—Всѣ ли они на-лицо? Можетъ-быть, я съѣлъ одного на завтракъ или превратилъ въ змѣю. А теперь живите благополучно вы, люди человѣческой породы, и благодарите Мессуа, что я не пришелъ къ вамъ со своими волками, чтобы погонять васъ хорошенько по вашимъ улицамъ.

Онъ круто повернулся и пошелъ прочь съ Акелой.

Что-то давило ему горло и мѣшало дышать, но, взглянувъ на звѣзды, тихо сверкавшія ему съ неба, онъ почувствовалъ себя легко и счастливо.

— Ахъ, теперь я не буду больше спать въ ихъ берлогахъ, Акела! Идемъ за шкурой Ширъ-Хана и уйдемъ отсюда навсегда... Я хотѣлъ бы... Нѣтъ!.. Мы не сдѣлаемъ имъ зла: Мессуа была очень добра ко мнѣ!

Когда вошелъ блѣдный мѣсяцъ и освѣтилъ все своимъ трепетнымъ свѣтомъ, высокіе, сѣрые утесы скалы свѣта были пустыни и одиноки, какъ прежде. Маугли взобрался на нихъ и, радостно смѣясь, простеръ шкуру Ширъ-Хана такъ, что большіе когти безпомощно свѣсились, и укрѣпилъ ихъ четырьмя бамбуковыми палками въ каменистыя расщелины. Акела помогалъ ему и потомъ растянулся, тихо мурлыча, на шкурѣ рядомъ съ нимъ. Онъ зѣвнулъ и, какъ въ былыя времена, когда былъ еще вожакомъ стаи, крикнулъ громко:

— Откройте ваши глаза вы, волки, и смотрите сюда!

Но общество было не прежнее.

Съ тѣхъ поръ, какъ Акелу изгнали, волки жили безъ вожака, они охотились и воевали по своей доброй волѣ.

Они отвѣтили по старой привычкѣ, но голоса ихъ были слабы и хриплы. Многіе изъ нихъ по-

пались въ западни и охромѣли; другіе были подстрѣлены или умирали отъ болѣзней, потому что, подражая шакаламъ, ѣли падаль.

Многихъ, многихъ недоставало! Это было печальное собраніе исхудалыхъ волковъ, съ сочившимися ранами и мутными глазами. И все-же они собрались, тѣ, что остались еще живы, чтобы посмотреть на шкуру Ширъ-Хана и обнюхать его мощныя лапы, безпомощно качаемыя вѣтромъ.

— Глядите на него хорошенько!—громко кричалъ Маугли, какъ-будто голосъ Ширъ-Хана вселился въ него. — Приглядывайтесь къ нему, чтобы узнать его! Что? Сдержалъ ли я свое слово?

— Да, да!—завыли волки, и одинъ, съ ободранный шкурой, обратясь къ Акелѣ, проговорилъ:

— Будь опять нашимъ вожакомъ, оставайся при насъ и ты, человѣческій дѣтенышъ. Мы устали жить безъ закона. Можетъ-быть, мы станемъ опять свободнымъ и мощнымъ племенемъ, какимъ были когда-то.

— Никогда больше! — проговорила Багира. — Я этого не желаю. Когда вы отъѣдитесь, разжирѣете, безуміе опять найдетъ на васъ. Не даромъ зовутъ васъ свободнымъ народомъ. Вы приобрѣли ее теперь, эту свободу, къ которой рвались. Теперь я желаю вамъ хорошаго аппетита, наслаждайтесь ею вполнѣ: ѣшьте то мѣсиво, которое сами заготовили себѣ...

— Люди и волки оттолкнули меня. Теперь я буду охотиться одинъ въ джунгляхъ! — вскричалъ Маугли. Но голосъ его не звучалъ такъ полно и радостно, какъ бывало прежде.

— Мы останемся съ тобою, маленькій братъ! — проговорили четыре волчонка.

Съ этихъ поръ Маугли сталъ охотиться одинъ съ немногими друзьями, оставшимися ему вѣрными.

